

Шостакович
Дмитрий

ПРАВДА
МОСКВА

23 сентября 1967 г. ● № 266 (17948)

На соискание Государственной премии СССР

БАЛЛАДА О СТЕПАНЕ РАЗИНЕ

За два с половиной года своей концертной жизни симфоническая поэма «Казнь Степана Разина» Д. Шостаковича на слова Е. Евтушенко прозвучала уже много раз.

Исполнение поэмы неизменно сопровождалось большим успехом; в газетах и журналах опубликованы статьи видных музыковедов. А это уже верный признак ее общественной ценности, которая, на мой взгляд, заключается и в принципиальной важности создания произведений, сочетающих традиционные и новаторские тенденции. Такая позиция позволяет авторам, не ограничивая себя особенно в выразительных средствах, адресовать свое творчество широкому слушателю. Подобных сочинений в последнее время появилось у нас не так уж много.

Почти забыт жанр популярной программной симфонической музыки, связанной с живыми историческими фигурами и событиями, любимыми литературными героями. Между тем именно такой жанр, как известно, всегда был в чести у русских (да и не только русских) классиков и пользовался неизменным успехом у широкого слушателя, которого он подготавливал к восприятию более сложной и «чистой» симфонической музыки.

Дмитрий Шостакович отлично ощущает эту общественную эстетическую потребность. Не случайно три его последние симфонии посвящены крупным событиям истории русского народа, воплощению ее героико-трагических страниц. Они построены на достаточно легко воспринимаемых конкретных музыкальных образах, иной раз с большой долей образительности, с вовлечением в симфоническое развитие вокального начала, литературного текста (13-я симфония и другие).

Симфоническая поэма активно развивает исконные тра-

диции русской классической музыки. Подобно «Хованщине» и «Борису Годунову» Мусоргского, многим произведениям Римского-Корсакова она представляет широкое, красочное полотно, на котором воссоздано одно из трагических событий русской истории XVII века.

Следуя образам поэта, композитор разворачивает перед слушателем целую серию живых картин-эпизодов.

Веселый диалог злорадствующих бояр, дьяков, купеческого люда, лавочников и просто охотников до смачных зрелищ. Въезд Степана Разина, закованного в кандалы. Его монолог — вперемежку со злыми репликами боярской камарильи («Супротив народа вздумал? Будешь звать, как супротив!») и хоровыми откликами на душевные сомнения Степана в его смертный час («Был ты против половинно, надо было до конца!»). После частушечных припевок о палаче следует его выход — впечатляющее музыкальное воплощение образа злоежущего орудия казни — топора; в голубизне его металлического отлива вожаку вольницы чудится в последний раз гладь Волги, где «струги Стенькины неслись»...

Во второй половине поэмы короткие эпизоды сменяются в быстром, экспрессивном темпе. Заклучает поэму симфонический эпилог с грозным воинственным кличем, как бы призывающим раздуть пламя борьбы, зажженное крестьянским вожаком.

Поэма Шостаковича развивает богатые традиции советской литературы и музыки, в которых образ Разина — один из наиболее популярных.

Естественно, что произведению Шостаковича свойственны свои, индивидуальные качества. Развитие его более импульсивно, условно, с привлечением специфических экспрессивных образов (хохот от-

рубленной головы и другие), моментов углубленного психологизма (предсмертный монолог Разина), ярких шекспировских контрастов.

Композитор ввел в обиход во многом новые, активные, выразительные приемы. Хор выступает в поэме не только как повествователь и реальный участник событий, но и как «укрупненный» внутренний голос самого Разина, его совести, вершащей суд над собственной жизнью; наконец, и как глас народа, в тяжкий смертный час поддерживающий атамана («И не заря он, видно, жил!»). Для этого драматургического перевоплощения композитор с удивительным мастерством использует все хоровые ресурсы — различные тембры, tessитуру, регистры, полифонический склад и могучие унисоны.

Оригинальны и некоторые оркестровые средства. Скажем, набатное звучание колоколов или хлесткие звуки извивающегося бича, введенные в страшные, рушащие аккорды удары оркестра в момент самой казни. Нельзя забыть потрясающего эффекта рождения в оркестре «срамного» пляса. После минутной злоежущей тишины робко, затем все сильнее начинает свой жуткий плясовой ритм маленькая группа деревянных духовых инструментов, имитирующих скоморошью дудку и жалейки, сопровождаемые звоном бубна... Поистине удивительна, неистощима творческая инициатива композитора в хоровом и оркестровом звучании поэмы! Партия солиста-певца на этом фоне оказалась, пожалуй, несколько тусклее и однообразнее.

В «Казни Степана Разина» Шостакович снова демонстрирует всю мощь своего симфонического мышления. Несмотря на оперную пестроту сменяющихся эпизодов, произведение на редкость целостно. Тема-сказ, открывающая партитуру, претерпевая немало метаморфоз по ходу развития, в эпилоге искусно преобразуется в гневный призыв-клич. Так мастерски цементируется все целое грандиозной симфонически-хоровой баллады, заключая ее в единую, крепко сбитую музыкальную форму.

Такие произведения достойны самого высокого поощрения.

Б. ЯРУСТОВСКИЙ.
Доктор искусствоведения.